

— Думаю, достаточно, Элеонора Аркадьевна, — сдаваясь, вздохнула Глафира и, резко сменив тон, четко выговаривая каждое слово, холодно распорядилась: — Покиньте, пожалуйста, сцену.

— Уж точно не вы удалите меня с этой или какой-либо иной сцены! — вскипела ведущая актриса театра, вложив в свой ответ все клокотавшее в ней негодование.

— Сцену покиньте, — уставшим от затянувшегося противостояния, но достаточно требовательным, жестким голосом повторила Глафира. — Я снимаю вас с роли.

— Вы?! — с презрением произнесла прима, саркастически усмехнувшись, и повторила с нажимом: — Вы?! Да кто ты такая, чтобы снимать меня с роли, соплячка? Пустое место будет снимать меня с роли?!

— Я смотрю, вы все-таки решили осчастливить нас своей талантливой игрой и публично высказаться со сцены со всей присущей вам страстностью, которые вы так тщательно старались не демонстрировать в работе? — произнесла в микрофон Глафира. — Очень жаль, но с выступлениями вы несколько запоздали.

Актеры между тем с жарким любопытством наблюдали за разгорающимся скандалом, а некоторые шустренько повытаскивали смартфоны из карманов, чтобы снять столь эпохальное событие. Заметив это, Глафира объявила:

— Все свободны. Перерыв тридцать минут.

Распорядившись, Глафира выключила лампу, прикрепленную к столешнице, и микрофон на пульте и поднялась из-за режиссерского стола с явным намерением покинуть зал.

— Нет, ты меня выслушаешь, дрянь! — громко, профессионально посылая звук так, чтобы каждая буква была слышна и на галерке, произнесла Туркаева и решительным шагом двинулась к выходу в углу сцены.

Глаша обреченно вздохнула, понимая всю очевидную невозможность остановить разошедшуюся приму, горящую желанием высказаться, и плюхнулась назад в свое режиссерское кресло. Что толку уходить в кабинет, или в буфет, или еще куда дальше? Если приме припекло высказаться, она ее везде достанет, да еще затеет показательный скандал, втянув в разборки весь театр.

Следя взглядом за двигавшейся по сцене артисткой, Глафира не удержалась от мысленного одобрения: нет, все-таки Туркаева великолепная актриса, что ни говори, талант! Вот она вся такая несправедливо унижаемая, гордая в своей правоте, в своем величии, кипит, негодует, но не бежит торопливо, не суетится, как истеричная простушка, — ни боже мой! Все рассчитано, продумано — каждое движение, каждый жест, поворот головы, выражение лица. Ни на секунду она не выходит из образа, при этом не забывая внима-

тельно отслеживать и реакцию зрителей, в качестве которых выступали партнеры по сцене (они не торопились уходить, предвкушая грандиозные разборки между ведущей артисткой театра и режиссером).

Глаша просто-таки искренне любовалась этой филигранной игрой. Красивая, статная женщина, элегантного возраста в районе... скажем так, чуть за сорок пять, с великолепной фигурой, совсем немного тронутой временем, с которым Элеонора Аркадьевна ведет нескончаемую непримиримую борьбу, пока героически побеждая по всем фронтам. Она определенно выглядела гораздо моложе своего возраста, что и давало ей возможность прекрасно и весьма органично играть молодых героинь.

Талант и сила воли, достойные восхищения, как ни крути. А еще умение, отточенное годами, качественно, глубоко выражать эмоции, что, без сомнения, лишь обогащает ее дарование и игру на сцене, но в жизни, увы, доставляет огромное количество неприятных моментов всем окружающим, которые оказываются вынужденно втянутыми в скандалы ведущей прима театра.

Глаша в который уж раз с легким сожалением подумала о том, что у них с Туркаевой случился, как говорится, полный неконнект с первой же встречи или скорее еще до встречи. Хотя...

Кипящая возмущением прима тем временем подошла к краю сцены, где ее ожидал самый преданный из всей актерской труппы приспешник Золотов, не задействованный в постановке, но регулярно следивший за репетициями из зала.

С подходящим случаем выражением обожания и полной солидарности на лице он протянул руку,

чтобы помочь приме спуститься по ступенькам, жестом, исполненным благоговения, который был принят Элеонорой как нечто само собой разумеющееся.

— Не слушайте никого! — в восторженных тонах и достаточно громко, чтобы было слышно всем, произнес он, как бы демонстрируя, что присоединяется к протесту великой актрисы против тирании и глупости недоумка-режиссера. — Вы блистали! Блистали! Как всегда, непревзойденная Элеонора Аркадьевна!

Та хоть и отмахнулась покровительственно-пренебрежительно от комплимента, но прогиб ухажера был явно засчитан благосклонным полукивком и легким намеком на улыбку на устах «непревзойденной». Но так, мимоходом, вскользь, как бы ни о чем...

И абсолютно всем наблюдающим за этими двумя была понятна обыгрываемая ими дежурная мизансцена — преклонение и сердечная преданность приме простого артиста труппы и снисходительная благосклонность великой артистки.

Может, оттого, что поклонник не блистал настолько, насколько хотелось бы Элеоноре Аркадьевне, этой игре не хватало страсти. Золотов был почти ровесником примы, а не молодым великолепным Аполлоном, с прекрасным телом атлета, что, понятное дело, было бы куда как предпочтительней. Да и человечешко-то был так себе, с гнильцой, с нагло-слащавым взглядом прожженного циника, хотя и со все еще привлекательной внешностью, потому что за фигурой следил, не позволяя себе расползаться-опускаться.

И все же... возраст, старательно маскируемая прогрессирующая лысинка поклонника — ну не то же! Вот не то! Не совсем по статусу столь мощной личности, как актриса Туркаева, к тому же и фами-

лия у почитателя была вовсе не Золотов, а Зобов. Но когда по окончании вуза тот пришел наниматься на службу в театр молодым актером, художественный руководитель, игнорируя всякую тактичность, заметил, скривившись от необходимости объяснять столь очевидные вещи:

— Артист не может иметь такую фамилию. Такую артистическую фамилию, извините, даже в рот брать неприлично.

И Федор Зобов тут же стал Феодором Золотовым, подправив в паспорте от усердия заодно и имя родное, чем сразу же заслужил неприятную кличку у язвительных артистов, не прощающих другим собственных пороков: Золотой Зоб, или сокращенно ЗэЗэ (и ужасно негодовал по этому поводу все годы своей службы). Но надо отдать должное — артистом ЗэЗэ был весьма и весьма талантливым. Для таланта, знаете ли, как наглядно доказывает жизненная практика, совершенно не обязательно быть хорошим человеком.

«Первый же плюнет в спину и понесет грязные сплетни, случись «несравненной» выйти в тираж», — подумала Глафира с каким-то сочувствием и жалостью в адрес Элеоноры, глядя на приближающуюся парочку.

И ведь оба все прекрасно понимают друг о друге, но в образе, в образе... Все игра. Все.

«Как с ней Грановский вообще живет? — подумалось Глаше. — Элеонора же постоянно в какой-то роли: ладно на сцене, но ведь и в жизни ни одного слова, ни одного жеста естественного, все в игре, в игре, такой психотип личности. Сдуреть же можно!»

Она даже плечами передернула, как обычно мгновенно представив то, о чем подумала, напол-

нив подробностями, мелочами и красками кусочек из жизни других людей.

Тем временем кипящая праведным гневом Элеонора добралась-таки до режиссерского стола в сопровождении преданного поклонника, державшегося чуть позади нее и желающего оказаться в самом что ни на есть центре грандиозного скандала. В предвкушении которого, кстати, артисты на сцене уже наострили уши и, совершенно беззащитно демонстрируя свое любопытство, стали подтягиваться поближе к рампе.

Да вы что, как можно уходить-то?! Тут же вон что назревает! Обжигающий месседж! Туркаева допекла, наконец, Пересветову!

Это же какой шкандаль, боже мой, красоты необыкновенной!

Ой, что будет, что будет!

— Ты?! — Туркаева уперлась ладонями о столешницу, но сделать жест красивым, с явным доминированием над объектом обличения не получилось — помешала коробка режиссерского пульта управления, стоявшая на краю столешницы, которая отгораживала Глафиру от актрисы.

Основной пульт управления сценой, декорациями, звуком и спецэффектами, за которым работает один из помощников режиссера, как и положено, находился за кулисами, а этот, небольшой, портативный, обеспечивал связь с декораторскими и костюмерными, с цехом работников сцены.

Очень удобно, но не для разбушевавшейся актрисы, которой требовалось театрально-красочно, страстно обрушить на зарвавшуюся режиссеришку весь свой праведный гнев.

Мгновенно оценив проигрышность принятой мизансцены, Элеонора энергично оттолкнулась руками, шагнула вперед и вбок, обходя стол, и, опершись одной рукой о край столешницы, подбоченилась.

Ну, слава богу, поза доминирования худо-бедно, но найдена и принята! Хотя и не достигает желаемого эффекта, скорее походит на то, как возмущенная новыми требованиями преподавательница гимназии пристроилась сбоку от сидевшего в кресле директора — бунт на корабле обозначен, а вот статуса директорского опустить не удалось. Тот по-прежнему расслабленно сидит в кресле, а недовольная мадам стоит в напряженной позе, которая совершенно не впечатляет, хоть ты как руки пристраивай, — не удержалась от мысленной иронии Глафира, мгновенно, на автомате, оценив новую мизансцену с точки зрения театрального постановщика, и откровенно усмехнулась своим мыслям.

— Тебе кажется что-то смешным?! — произнесла Туркаева тоном, обещающим страшную расплату и всяческие грядущие беды.

— Вы знаете, да, — подтвердила Глафира выдвинутое предположение, откидываясь на спинку кресла, словно устраиваясь поудобней и собираясь смотреть представление.

— Ах, тебе смешно! — стальной струной зазвенело предупреждение в голосе актрисы, заводящейся не по-детски. — Так я тебя огорчу! — и добавила в речь высокомерно-брезгливых тонов: — Ты, малолетняя выскочка! Думаешь, что заплатила кому надо, снялась у пары крутых режиссеров, склепала пьеску в столичном театре, дав денег худруку, и заделалась великой звездой! Кочка на ровном месте образовалась! Возомнила себя великим Гончаровым

или Эфросом! Или решила, что Карбаускисом заделалась?! Так вот, можешь считать, что твоя так называемая карьера кончилась, практически не начавшись. Выметайся отсюда немедленно! Твое имя прополаскают во всех соцсетях и публикациях, да так, что до смерти не отмоешься и вход в профессию для тебя будет закрыт навсегда! Тебя просто не станет — пшик, пустое место! Не было никогда! А сейчас я сообщу Тихону Анатольевичу, что мы разрываем с тобой контракт и заканчиваем все отношения!

Ведущая актриса театра с не скрываемым особым эстетическим удовольствием бурно выражала свои эмоции, не заморачиваясь соображениями такта. А зачем? Насколько смогла Глафира узнать Туркаеву, скандалы ее лишь бодрили, освежали и красили, неизменно повышая самооценку, и без того задранную выше некуда, особенно если учитывать тот факт, что мало кто решался давать ей достойный отпор.

— Элеонора Аркадьевна, — ровным, скучно-постным тоном начала Глафира. — Получилось так, что наши с вами отношения не сложились с самого начала. Принять мое руководство и подчиняться моим требованиям как режиссера вам было определено не по нервам. Я достаточно долго терпела ваш откровенный саботаж, лаская себя надеждой, что профессионализм и талант возобладают над вашей личной неприязнью и мы сможем нормально работать. Вынуждена констатировать, что ошиблась. Посему не считаю необходимым более задействовать вас в спектакле. Я официально снимаю вас с роли героини и передаю ее Наталье Гордеевой.

— Какая Гордеева?! — взорвалась новой яростной волной возмущения прима. — Я сказала: пошла вон из театра! Ты здесь больше не работаешь!

«Требования режиссера!» — с огненным сарказмом повторила она слова Глаши. — Кто?! Ты режиссер?! Сучка малолетняя, возомнившая себя неизвестно кем! Да я тебя размажу! — Она резко подалась вперед, наклонившись к Глафире, и пригрозила громким, устрашающим шепотом, слышным, тем не менее, даже на сцене: — Я тебя уничтожу. Сотру в порошок. От тебя даже воспоминания не останется. Так, может, сморщит кто лоб, пытаюсь припомнить, что там за тля такая была.

Глафира поднялась с кресла, включила кнопку микрофона на пульте и, напрочь игнорируя бушующую рядом Туркаеву, произнесла:

— Господа артисты, напоминаю, что перерыв закончится через... — она посмотрела на часы на левом запястье, — через двадцать пять минут. После чего жду вас всех на сцене для повторного прогона с актрисой Гордеевой.

— Да сейчас! — некрасиво, как-то по-бабски истерично, на миг позабыв о роли и необходимости держать лицо, взвизгнула рядом Туркаева и каким-то стремительным движением, мгновенно вцепившись, рванула у Глаши микрофон из руки.

Глаша и не попыталась сопротивляться и бороться, отступила сразу, ну не вступать же, на самом деле, в пошлую возню с заслуженной артисткой страны, ведущей примой данного театра. Но не менее стремительно успела нажать кнопку на пульте, выключая громкое оповещение.

— Никто не расходится! — кричала в молчащий микрофон Элеонора.

А сообразив, что тот выключен, отшвырнула его, развернулась и прокричала, нещадно надсаживая луженые голосовые связки:

— Всем оставаться на месте!

«Типа: алес капут!» — не удержалась от мысленного комментария Глаша, снова непроизвольно усмехнувшись.

— Я сейчас же вызову Тихона Анатольевича, и мы продолжим репетицию! — распорядилась Элеонора. — Нормальную репетицию, без этой... С ней премьера не состоится, я вам это обещаю! Или без нее, или вообще никакого спектакля не будет!

— Что здесь происходит? — раздался от входа густой, хорошо поставленный голос неосмотрительно упомянутого всуе великого и неприкосновенного Тихона Анатольевича.

Художественный руководитель, царь, бог и отец родной данного театра, величественно вышагивал между рядами, приближаясь к режиссерскому столу в зале.

Тихон Анатольевич Грановский, в прошлом совершенно потрясающий, уникальный артист и вот уже без малого двадцать пять лет руководивший краевым Театром драмы и комедии, был высок, монументален, импозантен, истинно красив особой зрелой мужской красотой, которая с годами делает мужчину лишь более привлекательным, добавляя образу мудрого благородства. Он до сих пор в свои шестьдесят семь пользовался у женщин невероятным интересом.

Грановский прекрасно знал себе цену, но, как любой творческий человек, нуждался в признании заслуг, напоминании о его величии и вознесении должного его талантам. И принимал это с довольством. А вот пустой, расчётливой лести не любил, чутко определяя любой намек на нее и жестко

одергивая льстеца. И мог надолго, а то и навсегда лишить человека своего расположения.

Вот к гадалке не ходи — кто-то из актеров уже втихаря позвонил и стукнул «папочке», что начались грандиозные разборки между режиссером и прямой театра, которая по совместительству являлась женой его руководителя.

— Очень хорошо, Тихон Анатольевич, что вы пришли! — торжествующе звеня голосом, провозгласила Туркаева, явно намекая на самые страшные для Глафиры репрессивные меры. — Я... нет — мы, — широким актерским жестом повела она рукой в сторону сцены и повторила, сделав упор на слове, — МЫ, актеры нашей труппы, требуем немедленно разорвать контракт с этой... — презрительно скривилась она в сторону Глафиры, буквально выдавив из себя со всей возможной уничижительностью ее фамилию, — Пересветовой.

Ну вот не нравилась ей фамилия Глафиры, что ж тут поделаешь, раздражала до невозможного, как и ее носительница.

Неторопливо-величественно неся свое крупное, с возрастом оплывшее тело, упакованное в обманчиво простой строгий костюм, Тихон Анатольевич выразительно посмотрел на Туркаеву, выдержал многозначительную паузу и переспросил с наигранным нажимом:

— Да? Прямо-таки вся труппа требует? — Он перевел взгляд на сцену и спросил, обращаясь к актерам: — И кто конкретно присоединяется к требованию актрисы Туркаевой? Или на самом деле вся труппа?

Под тяжело-вопросительным взглядом «отца родного», кормильца-поильца, театрального царя